

КАМИЛА ЛЕВИТАН

РАЗВОД с предателем.

Ты использовал гипноз,
чтобы отобрать мой бизнес!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты
использовал гипноз, чтобы
отобрать мой бизнес!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты использовал гипноз, чтобы отобрать мой бизнес! / К. Левитан — «Автор», 2026

Я пять лет строила собственную компанию. А потом муж привёл в наш дом красивую инвесторшу. Через два месяца я узнала, что она уже владеет шестьюдесятью процентами моего бизнеса. По документам я сама подарила ей свою долю. Только я ничего не подписывала! Артём уволил меня, заблокировал счета, выгнал из дома и объявил мошенницей. Все доказательства против меня. Даже моя собственная подпись. Но я вспомнила странные провалы в памяти после визитов в одну клинику. Теперь я знаю, что муж сделал со мной ради любовницы. Он уверен, что я сломлена. Но у меня появилась запись, способная разрушить всю их аферу. И прощать я не собираюсь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты использовал гипноз, чтобы отобрать мой бизнес!

Глава 1

Я любила запах нового картона. Он пах чистотой, началом и абсолютным контролем. Папка с документами для ипотеки лежала на столе передо мной идеально ровной стопкой: мой паспорт, выписки из ЕГРЮЛ, справки о доходах. Всё было сложено в четком порядке, как детали механизма, который я годами собирала по винтику. Виктория Смирнова никогда не позволяла хаосу вторгаться в свою жизнь. Особенно теперь, когда Артем стал холодным призраком, бродящим по нашей квартире. Эта ипотека была моим билетом в независимость, моим личным замком, где не будет его равнодушия.

Кредитный менеджер банка в Москва-Сити — мужчина лет сорока с глазами цвета серого бетона — перебирал мои бумаги слишком медленно. Его пальцы скользили по страницам с такой неохотой, будто он трогал что-то грязное. Я сидела напротив, выпрямив спину, чувствуя, как под мышками начинает преть от раздражения. Время шло. Секунды тикали, превращаясь в минуты, а он всё сверял данные в компьютере, хмурясь так, словно у него болели зубы.

— Вы можете ускорить процесс? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал деловито, а не просительно. — У меня встреча через час. Если есть технические сбои, я могу предоставить дополнительные выписки прямо сейчас.

Он поднял голову. В его взгляде не было ни вины, ни смущения. Только ледяная профессиональная скука.

— Дело не в технике, Виктория Андреевна, — произнес он ровно. — В нашей базе вы указаны поручителем по просроченному кредиту «VikTech». И доход от вашей доли мы больше не можем учитывать: по реестру она передана другому лицу и заложена в обеспечение этого кредита. Ипотеку не одобрили.

Мир качнулся. Буквально физически. Пол ушел из-под ног, и мне пришлось схватиться за край стола, чтобы не рухнуть со стула. Сердце пропустило удар, затем забило в горле, гулко и болезненно.

— Что за бред? — выдохнула я, чувствуя, как к щекам приливает жар унижения. — Я не брала кредитов. Я не давала гарантий. «VikTech» — это моя компания. Мы платим налоги вовремя, у нас нет долгов перед банками. Проверьте еще раз!

— Я проверил трижды, — менеджер повернул монитор ко мне. На экране светился скан нотариальной доверенности. Дата: шесть месяцев назад. Подпись внизу — аккуратная, характерная, с той завитушкой на букве «В», которую я ставила тысячи раз. Печать нотариуса. Полномочия распоряжаться моей долей и подписывать поручительства от моего имени. Представитель — Артем Смирнов.

Менеджер открыл следующую страницу: договор передачи моих шестидесяти процентов в ООО «VikTech». На нем уже расписался Артем — за меня. Получатель — Элина Кравец. Женщина, которую он два месяца назад привел к нам домой как «будущего инвестора». Будущего, черт побери. К тому времени она уже числилась хозяйкой большей части нашей компании.

— Это подделка, — сказала я тихо. Голос дрожал, но слова были твердыми. — Я не подписывала эту бумагу. Шесть месяцев назад я была в командировке в Дубае. Я знаю, где я была, и что я делала каждый час. Позовите вашего начальника. Я буду оспаривать это в суде.

Менеджер вздохнул, закрывая крышку ноутбука с шелчком, похожим на звук пистолетного затвора.

— При выдаче кредита банк проверял комплект документов. Доверенность числится действующей, переход доли зарегистрирован. Спор о подписи здесь, за столом, я решить не могу.

— Тогда распечатайте основания отказа. И реквизиты всех документов, в которых я поручитель.

Он снова открыл ноутбук. Я дождалась распечаток и убрала их в папку. По крайней мере, эти листы он у меня не отнимет.

Я вышла из кабинета как в тумане. Ноги не слушались, каблуки стучали по мрамору пола неровно, выбивая ритм паники. В холле делового центра гудела толпа: курьеры, офисные планктоны, люди, которые спешили жить. Я остановилась у колонны, пытаюсь поймать воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Телефон в руке был тяжелым кирпичом. Я набрала номер Артема. Один гудок. Два. Три. Абонент недоступен. Пятый раз подряд за последние сутки он не брал трубку. Изоляция начала сжиматься вокруг меня кольцом удавки.

И тогда я увидела её.

Элина шла навстречу, уверенно раздвигая толпу плечами. Идеальный макияж, дорогие брюки, сумочка, которая стоила больше, чем моя первая зарплата после универа. Она заметила меня и улыбнулась. Не злобно, а с тем сладким, липким жалостливым выражением, которое бывает у хищников, играющих с раненым зверем.

Она остановилась прямо передо мной. От неё пахло дорогим нишевым парфюмом — чем-то древесным и цветочным, запахом денег и власти. Этот запах ударил мне в нос, вызвав мгновенную тошноту. Я вспомнила, как Артем говорил, что ему «нравится этот аромат на ней». Теперь я понимала: это был не комплимент. Это был маркер территории.

— Виктория! — она протянула руку, но я не пожала её. Я смотрела на её идеальные ногти, покрашенные лаком цвета крови. — Какое совпадение. Я так рада, что ты наконец-то освободилась от груза ответственности. Ты всегда выглядела такой напряженной. Артем справится лучше, правда? Он настоящий партнер. А ты... ну, ты просто финансовый аналитик. Цифры — это не бизнес, детка. Бизнес — это люди.

Люди вокруг начали оборачиваться. Шепот, взгляды. Я чувствовала, как меня разделяют на части их любопытством. Моя карьера, мой брак, моя жизнь — всё это стало публичным фарсом за одну секунду. Я открыла рот, чтобы сказать что-то колкое, но горло перехватило спазм. Элина рассмеялась коротко, чисто, как хрусталь, и двинулась дальше, оставляя меня стоять посреди холла, с ощущением, что я только что потеряла все, что имела.

Дом перестал быть крепостью.

Когда я вернулась в квартиру, ключ не вошел в замок. В скважине с другой стороны торчал второй ключ. Я замерла, чувствуя, как по спине ползет холодный пот. Замки я сменила неделю назад, после того как Артем начал ночевать в офисе. Но запасной комплект... он был у него: тогда я еще не решилась окончательно выставить мужа. Дверь оказалась не заперта. Я нажала на ручку. Тихий скрип петель прозвучал как похоронный звон.

Внутри царил хаос. Коробки. Картонные монстры, наполненные вещами Артема, громоздились в коридоре и гостиной. На кухонном столе, среди крошек от завтрака, лежала пустая папка с документами моей компании. Логотип «VikTech» был замазан черным маркером. Кто-то постарался на славу.

Я обошла коробки, чувствуя себя чужой в собственном доме. На полу, у порога спальни, мелькнул белый листок. Я присела, подбирая его. Там был написан от руки номер телефона и одно слово: «Григорий». Ниже, мелким почерком: «Спроси про гипноз».

Я сжала бумагу в кулаке до боли в костяшках. Это была ловушка? Насмешка? Или кто-то знал больше, чем я думала? Слово «гипноз» звучало абсурдно, почти смешно. Но в контексте всего дня оно резануло мозг острой иглой сомнения. Я достала телефон и позвонила бухгалтеру компании.

— Добрый день, это Виктория Смирнова. Мне нужен доступ к серверу и отчетность за последний квартал. Срочно.

Пауза. Долгая, зловещая пауза, во время которой я слышала только свое дыхание.

— Простите, Виктория Андреевна, — голос бухгалтера был натянутым, вежливым до неприличия. — Ваш доступ заблокирован службой безопасности по распоряжению генерального директора. Вы больше не являетесь сотрудником компании. Пожалуйста, не пытайтесь пройти в офис без согласования с руководством.

— Я основатель! — крикнула я, но линия уже оборвалась.

Социальная смерть наступила за один день. Карьера, деньги, дом, муж — всё испарилось, оставив после себя лишь пепел и запах чужих духов.

Ночь пришла тяжело, давящей тишиной. Я сидела на кухне, в темноте, только экран телефона светился бледным голубым пятном на моем лице. В голове крутились мысли о том, как уйти. Окно на десятом этаже. Таблетки. Дорога в никуда. Любой вариант казался лучше, чем осознание того, что меня растоптали те, кого я считала своими.

Телефон завибрировал. Артем.

Я ответила, даже не глядя на имя. Голос в динамике звучал устало, хрипло, но в нем не было раскаяния. Только расчет.

— Вика, послушай, — сказал он быстро, будто боялся, что я повешу трубку. — Это ошибка в бумагах. Техническая. Я всё исправлю. Элина готова вернуть долю мне. Но сначала ты подпишешь подтверждение: доверенность выдала добровольно, к передаче доли претензий не имеешь. Иначе банк подаст иск. А там и дело о мошенничестве. Ты же знаешь, сколько стоят адвокаты. У тебя нет этих денег. Подпиши. Я спасу тебя.

Я смотрела на отражение своего лица в черном экране выключенного телевизора напротив. Бледная кожа, темные круги под глазами, губы, сжатые в тонкую линию.

«Подпиши», — повторил он.

И вдруг что-то щелкнуло внутри меня. Холодный, ясный щелчок, как замок двери.

Если бы он был прав, если бы это действительно была ошибка, он бы не предлагал сделку в обмен на молчание. Он бы не угрожал тюрьмой. Он паниковал. Артем не спасал меня. Он добивал. Он использовал мой страх, чтобы получить настоящее согласие поверх того, которое они уже нарисовали в документах. Пока я не заставила полицию задавать вопросы Элине и его юристам.

Но почему он боится иска? Если схема чиста, ему нечего терять. Значит, в документах есть дыра. Огромная, черная дыра, через которую может выпасть вся конструкция. И эта дыра — я.

До этого момента я считала себя жертвой обстоятельств и третьих лиц. Теперь я видела истинное лицо игры. Артем не просто предатель. Он преступник в панике, который пытается купить мою свободу ценой моего рабства.

Я посмотрела на записку с именем Григория. «Спроси про гипноз».

Это было безумие. Но в мире, где реальность оказалась фальшивой декорацией, безумие могло быть единственной правдой.

Я не ответила Артему. Я просто сбросила звонок. Тишина в кухне стала оглушительной. Я взяла ручку и блокнот. Рука не дрожала. Впервые за сутки я чувствовала не страх, а холодную, стальную ярость.

«Подпиши», — написал он в сообщении, отправленном следом за звонком.

Я посмотрела на эти буквы. Моя подпись. Та самая, которую они украли, исказили и использовали против меня. Она стоит не только на доверенности. Она стоит на моей могиле. Но я ещё жива. А значит, могу копать обратно.

Глава 2

Стеклянные двери «Москва-Сити» встретили меня холодом кондиционированного воздуха и запахом дорогого кофе. Я поправила жакет, пытаясь сделать его менее сомканным, и шагнула внутрь лифта. Цифры на табло ползли вверх: 15... 20... 35. Мой этаж. Мой офис. Моя жизнь, которая еще позавчера казалась мне надежной крепостью из цифр и графиков.

Вчера доступ мне закрыли, а сегодня вызвали «для оформления документов». На ресепшене выдали разовый пропуск под присмотром охранника. В переговорке «Альфа», где мы обычно проводили квартальные отчеты, уже сидели трое. Артем, в своем безупречном сером костюме, пил эспрессо, словно это была обычная планерка, а не суд над моей карьерой. Рядом с ним — HR-директор Галина Петровна, женщина с лицом, высеченным из гранита, и юрист компании, молодой парень в очках, который нервно теребил манжету рубашки.

— Виктория Андреевна, присаживайтесь, — голос Галины был ровным, но в нем звенела сталь. — У нас есть вопросы касательно ваших действий за последние две недели.

Я села напротив Артема. Он даже не поднял глаз от чашки.

— Ты знаешь, о чем я говорю, Вика? — спросил он наконец, глядя прямо в мои глаза. В его взгляде не было раскаяния. Только усталость и презрение. — Продажа доли в нашем стартапе третьим лицам. Подделка подписей. Попытка рейдерского захвата собственного бизнеса под видом развода.

— Это ложь! — выплюнула я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Я ничего не продавала! Эта доверенность... она незаконна! Я была в командировке!

Юрист положил передо мной папку. Фотокопии документов лежали аккуратной стопкой.

— Нотариус заверил подпись. Вы отказались от доли в пользу Элины Кравец. А затем пытались оспорить сделку через черную схему, используя фальшивые чеки. Руководство утратило к вам доверие. Приказ об увольнении подготовлен, Виктория. В связи с ущербом компании.

— Копию приказа. И документы об ущербе, — потребовала я.

Юрист передвинул папку на свою сторону стола.

— Получите по почте.

Я знала цену этому «получите». Они хотели выдворить меня раньше, чем я увижу, что именно придется оспаривать.

Мир качнулся. Я смотрела на лица коллег, которые просачивались в щель двери переговорки. Шепот, взгляды, пальцы, указывающие на меня. «Мошенница». «Предательница». Слово, которое должно было звучать как удар молота, но упало в вакуум. Артем подготовил почву заранее. Он не просто предал меня — он уничтожил мой профессиональный статус, чтобы я не смогла бороться юридически. Без дохода, без репутации, без доступа к базам данных.

— Мне нужны мои личные вещи, — сказала я хрипло. — И доступ к серверу. Там мои расчетные модели.

Галина Петровна покачала головой.

— Пропуск аннулирован. Охрана будет сопровождать вас до ресепшена.

Когда я вышла в коридор, двое охранников уже шли навстречу. Один из них, здоровый лоб с коротким ежиком, схватил меня за локоть.

— Пустите! — я рванулась, но хватка была железной.

— Спокойно, барышня, — процедил он сквозь зубы. — Не усугубляйте. Меньше агрессии, меньше проблем.

Они вывели меня через главный вход, при всех. Люди в деловых костюмах обходили стороной, некоторые снимали видео на телефоны. Я чувствовала себя не человеком, а экспонатом

в музее позора. Телефон вибрировал в сумке, но я не смела достать его. Позор должен быть полным.

На улице, среди гула машин и ветра, я дрожащими пальцами набрала номер Лены. Единственной подруги со времен университета. Она ответила после третьего гудка, но на фоне слышался шум телевизора и мужской голос.

— Лена, ты можешь пустить меня на ночь? У меня проблемы с жильем, все рухнуло...

Пауза. Долгая, мучительная пауза, во время которой я слышала, как её муж сказал что-то резкое.

— Вика, я... я не могу сейчас, — голос Лены стал сухим и чужим. — У меня тоже проблемы с мужем, он считает твою ситуацию... небезопасной. Извини. Давай позже созвонимся.

Кнопка сброса вызова. Экран погас. Социальный круг рассыпался мгновенно, как картонный домик, на который дул ураган. Я осталась одна. Абсолютно, тотально одна.

Я дошла до дома пешком. Денег на такси не осталось, да и некуда было торопиться. Двор встретил меня обычной тишиной, и от этой обычности стало почти обидно: мир вокруг словно не заметил, что у меня только что всё рухнуло.

Дома было тихо. Слишком тихо для квартиры, где мы жили вдвоем пять лет. Я подошла к двери и увидела на ней свежую бирку: «Замки заменены. Доступ только по ключу собственника».

Позвонила в домофон. Открыл Артем. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди, держа в руке чашку кофе.

— Ты пришла за вещами, — констатировал он. Не вопрос. Утверждение.

— Пusti меня, Артем. Мне нужно забрать документы и теплые вещи. Завтра морозы.

Он сделал шаг вперед, загрохачивая проход своим телом. Запах его одеколона, которого я покупала ему на годовщину, вдруг стал тошнотворным.

— Квартира продана, Вика. По той же доверенности. У тебя там не только компания была прописана, — сказал он. — Элина уже нашла покупателя. Новые хозяева въезжают завтра утром. У тебя есть час. Не больше.

— Ты не имеешь права! Это совместное имущество!

— Формально — нет. Практически — да. Не делай сцен, Вика. Ты уже проиграла. Смирись.

Я попыталась протиснуться мимо него, толкнув плечом, но он перехватил мою руку. Его пальцы сжались так сильно, что ногти впились в кожу. Боль была острой, физической, и она пробудила во мне звериную ярость. Но он просто оттолкнул меня назад, закрыл дверь и повернул замок. Щелчок был громче выстрела. Я осталась у порога. Через несколько минут он снова приоткрыл дверь и выставил коробку с моими документами и вещами. На этот раз даже не посмотрел на меня.

Через час я сидела на скамейке в парке Горького, обнимая коробку с документами. Ветер продувал насквозь. Банковское приложение встретило уведомлением: расходные операции приостановлены по судебному определению. «VikTech» уже предъявила мне иск об убытках. Я перечитала название истца. Моя же компания.

В объявлениях об аренде один хозяин требовал залог за два месяца, другой — справку о доходах. Третий перестал отвечать, когда я попросила подождать с оплатой. На карте были деньги, но достать их я не могла. В коробке нашелся старый кошелек с наличными: хватит на койку в хостеле, если не есть. Бытовая беспомощность давила на грудную клетку сильнее, чем любые юридические бумаги.

К вечеру я сложила копии доверенности и иска в папку и поехала на Сретенку. Не потому, что верила в справедливость, а потому что других дверей, за которыми меня обязаны были выслушать, я больше не знала.

Полицейский участок на Сретенке пах старым линолеумом и отчаянием других людей. Следователь, мужчина с мешками под глазами, слушал меня монотонно, перебирая копии доверенности.

— Это гражданско-правовой спор, гражданочка, — бубнил он, не поднимая глаз. — Мошенничества тут нет. Есть договор, есть нотариус. Если хотите, подавайте иск. Но сначала наймите адвоката. А лучше двух. Иначе дело зависнет. Мы не будем тратить ресурсы на разбор семейных дрызг богатых бизнесменов.

— Зарегистрируйте заявление, — сказала я. — Я хочу номер.

Он долго смотрел на меня. Потом вызвал дежурного. На улице я зажала талон в кулаке: бумажка была тонкая, жалкая, но выбросить её значило согласиться с этим «гражданочка». Проверка могла тянуться неделями. Спать сегодня мне она не помогала.

Ночь накрыла Москву плотным одеялом холода. Я блуждала по улицам, избегая темных переулков, ища любое место, где можно было согреться и остаться незамеченной. Зашла в круглосуточную кофейню на Тверской. Заказала самый дешевый кофе, заранее отложив деньги на хостел. На ужин не осталось.

И тогда я увидела её.

Элина Кравец сидела за угловым столиком, окруженная двумя моделями. Она смеялась, запрокинув голову, демонстрируя идеальные зубы и безупречный макияж. На столе перед ней лежала ее дорогая сумка. В момент смеха она случайно смахнула рукой визитку, которая упала на пол, прямо у моих ног.

Инстинкт аналитика сработал быстрее стыда. Я наклонилась, будто поправляя застёжку на ботильоне, и подхватила картонку. Элина не заметила пропажи. Она болтала о новой фотосессии.

Я вернулась за свой столик, спрятав находку под салфетку. Сердце колотилось где-то в горле. Развернула бумагу.

Клиника «Спокойствие». Адрес в центре. Ниже мелким шрифтом: «Сеанс регрессивной терапии. Индивидуальная программа».

На обороте рукой записали дату сеанса. Полгода назад. За день до вылета в Дубай — на два дня раньше даты на доверенности. Я уехала со странной заторможенностью, списывая всё на недосып и переутомление. Тогда мне казалось, что память проваливается. Что я теряю часы времени. Значит, в клинике я могла подписать что-то перед поездкой. А нотариальную бумагу оформить без меня уже после.

Я перечитала название клиники. Руки дрожали, но уже не от холода. А если подпись не нарисовали за меня? Если я сама вывела её в одном из этих провалов? От этой мысли стало хуже, чем от холода. Враг использовал моё же тело и разум против меня. Кто-то залез в мою голову и вынес оттуда мою жизнь.

Я посмотрела на Элину поверх края салфетки. Она выглядела такой же красивой и пустой, как витрина магазина ювелирных украшений. Теперь я знала: за этой улыбкой скрывалась ловушка. И я найду этого человека. Даже если мне придется рыться в мусорных баках этой страны, собирать осколки своей памяти и превращать их в оружие.

Я допила остывший кофе, оставила пустую чашку на столе и вышла в темноту Москвы. Холод перестал ощущаться. Внутри горело что-то новое. Железное и злое.

Глава 3

Лобби «Москва-Сити» пахло дорогим кофе и чужими деньгами. Я стояла у стойки ресепшн, сжимая в кармане записку с номером Григория Волкова, единственную нить, связывавшую меня с миром живых. Секретарь — девушка с идеальным маникюром и пустыми глазами — даже не подняла головы от монитора.

— У господина Волкова закрытая встреча. Запишитесь через месяц. Или напишите на почту. Следующий!

Мой голос звучал хрипло после недели молчания в дешевом хостеле, но я заставила себя улыбнуться. Той дежурной улыбкой финансового аналитика, которая раньше обезоруживала клиентов на переговорах о слияниях.

— Тогда я подожду его на благотворительном аукционе. Тридцатый этаж, верно? Проверьте список приглашенных от «VikTech». Виктория Смирнова.

Она нахмурилась, бросив взгляд на список на экране. Я увидела приглашение в старой почте два часа назад, в библиотеке. Компания оплатила его еще до моего увольнения. Сейчас всё зависело от того, успели ли вычеркнуть мое имя и здесь.

— Есть такое. Лифт Б, тридцатый этаж.

Я нырнула в зеркальные двери, чувствуя, как колени дрожат от напряжения. Это была не победа, а трещина в броне равнодушия. И этого хватило.

В фойе аукциона я узнала Григория по фотографии с сайта фирмы. Он разговаривал с мужчиной у окна; я подошла и протянула записку со своим именем. Григорий прочитал «гипноз», оборвал собеседника на полуслове и велел мне ждать у лифта. Потом молча провел в свой кабинет несколькими этажами выше.

Он сел в глубокое кожаное кресло спиной к панорамному окну и взял серебряный нож для разрезания бумаг. Облака за стеклом казались ближе, чем земля.

— Так это вы всю неделю звоните? — его голос был низким, бархатистым и опасным. — Я сказал секретарю: никаких историй о разводах. Никаких слезливых писем. Вы потеряли долю в стартапе мужа? Поздравляю, жизнь продолжается. Дверь там.

Он махнул рукой, не глядя на меня. Его цинизм резал больнее, чем слова Артема. Артем хотя бы притворялся, что ему стыдно. Григорию было все равно.

Я не стала оправдываться. Не стала рассказывать, как меня выселили, как коллеги шептались за спиной, называя мошенницей. Вместо этого я достала из сумки сложенный лист А4 и положила его на стол перед ним.

Григорий наконец повернулся. Его глаза, серые и холодные, скользнули по документу. Пауза затянулась. Он взял бумагу, поднес ее к свету, затем посмотрел на меня с новым выражением лица. Не с жалостью. С интересом хищника, почуявшего кровь.

— Откуда у вас эта схема? — спросил он тихо.

— Из открытых реестров и ваших старых исков к фирме, через которую Элина проводит деньги, — ответила я, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Вы искали связь между моделью и покупателем активов. Я сопоставила адреса, директора и дату смены владельца. Посмотрите последний столбец. Вы проиграли полгода назад, потому что вам не хватало этого звена. Теперь оно есть.

Григорий отложил бумагу. Медленно. Аккуратно.

— Цена моей помощи высока, Виктория. Мои часы стоят больше, чем ваша квартира. А ваши счета заморожены. Чем вы платите?

— Моим интеллектом. И доступом.

Он усмехнулся.

— Вы хотите стать моим информатором внутри бывшего круга Артема? Рисковать свободой ради призрачной мести?

— Я хочу вернуть то, что мое. Любой ценой. Даже если цена — стать вашими «глазами и ушами».

Григорий встал. Он был выше, чем казался сидя. Тень от него накрыла меня полностью.

— Хорошо. Но сначала убедимся, что вы понимаете реальность.

Он щелкнул пультом. На стене развернулся экран. Появились документы: иск «VikTech» ко мне, определение об аресте денег на моих счетах, письмо юриста Артему: «Расходы ей перекрыли, дальше дождем».

— Обычной жалобой вы их не остановите, Вика. Пока вы будете доказывать свою правоту, они выведут активы. А вас завалят встречными заявлениями. Хотите ждать под дверями кабинетов — ждите. Артем тем временем отпразднует победу шампанским.

Я смотрела на экран. Сердце билось так сильно, что болели ребра. Моральная ломка прошла за секунды. Страх сменился холодной яростью. Значит, закона нет. Есть только игра. И правила этой игры теперь писал Григорий.

Зазвонил мой телефон. Экран показывал «Неизвестный номер». Затем второй звонок. Третий. Я машинально потянулась к трубке, но Григорий остановил меня жестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.